

DOI: 10.15393/j9.art.2008.283

В. Н. Захаров*

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ ДОСТОЕВСКОГО

В своей книге «Достоевский после Бахтина «Исследование фантастического реализма Достоевского» М. Джоунс справедливо замечает:

Я не уверен, что Достоевский вообще когда-либо пользовался выражением «фантастический реализм», но его высказывания по поводу собственного стиля совершенно оправдывают употребления этого выражения в качестве «беглого» термина¹.

Действительно, вопреки существующему заблуждению, Достоевский не называл свой реализм «фантастическим». Вместе с тем эпитет привлекает многих исследователей.

«Фантастический» — излюбленное слово Достоевского. В одном случае оно однозначно, в других, — многозначно. Однозначно — как понятие (*категория поэтики*, или «форма искусства», по выражению Достоевского). Многозначно — в роли *определения* (основные значения: *вымышленный, выдуманный, надуманный; призрачный, беспочвенный; невероятный, немыслимый, неправдоподобный, необычный, необыкновенный* и т. п.). Синонимы заметно уступают эпитету

* Захаров В. Н., 2008

¹ Jones, Malcolm V. Dostoevsky after Bakhtin: Reading in Dostoevsky's fantastic realism. Cambridge University Press. Cambridge; New York Port Chester. Melbourne; Sydney, 1990. Русский перевод см.: Джоунс М. Достоевский после Бахтина: Исследование фантастического реализма Достоевского, СПб.; Академический проект, 1999. Собственно, поводом

данной статьи стало приглашение М. Джоунса к диалогу в предисловии к русскому изданию его исследования (С. 6).

386

фантастический в богатстве «внутренней формы» слова: они определены, ясны, в них нет семантической тайны, они не столь привлекательны². В любом случае слово «фантастический» является прилагательным, образованным от существительного *фантазия*, и определяет присутствие в явлении того, что принадлежит исключительно фантазии человека, но не самой действительности.

У Достоевского была оригинальная концепция фантастики и свои правила фантастического в искусстве. Фантастическое — необходимая принадлежность искусства, «форма искусства», «безбрежная фантазия», фантастическое произведение — «произведение чисто поэтическое (наиболее поэтическое)». Его правило: «...фантастическое должно до того соприкоснуться с реальным, что вы должны почти поверить ему». В фантастике происходит соприкосновение человека с иными мирами, сущность становится явлением.

В критической литературе давно определен свод цитат с высказываниями Достоевского со словом *фантастический*. Приведу несколько неизвестных.

В октябрьском номере журнала «Время» (1862) опубликована статья «Голос за Петербургского Дон-Кихота. По поводу статей г. Театрина», подписанная псевдонимом «Ч. Комитетский»³. Статья — разбор полемики двух критиков, скрывшихся под псевдонимами С.-Петербургский Дон-Кихот (Д. Д. Минаев) и некто «г. Театрин». Вряд ли была необходимость участвовать в этой полемике автору «Времени»,

² Подробно об этом см.: *Захаров В. Н.* Концепция фантастического в эстетике Ф. М. Достоевского // *Художественный образ и историческое сознание*. Петрозаводск, 1974. С. 98—125; *Он же.* Фантастическое в эстетике и творчестве Ф. М. Достоевского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 1975; *Он же.* Фантастическое как категория поэтики романов Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Идиот» // *Жанр и композиция литературного произведения*. Петрозаводск, 1978. С. 55—87; *Он же.* Фантастическое как категория поэтики Достоевского // *Жанр и композиция литературного произведения*. Петрозаводск, 1978. С. 41—54; *Он же.* Фантастическое // *Достоевский: Эстетика и поэтика*. Челябинск, 1997. С. 53—56.

³ Об атрибуции этой и других псевдонимных и анонимных статей в журналах «Время» и «Эпоха» см.: *Захаров В. Н.* Триумф анонимного Автора // *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 18 т. М.: Воскресенье, 2004. Т. V. С. 521—539; *Он же.* Гениальный фельетонист // *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: Канонические тексты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. Т. 4. С. 799—820; *Он же.* Идеи «Времени», дела «Эпохи» // Там же. Т. 5. С. 695—712.

387

но его заинтересованность в этой полемике симптоматична.

Повод полемики:

Некто санктпетербургский дон-Кихот (которого мы и в глаза не видали) напал на какой-то фантастический комитет⁴.

Эта критика литературно-театрального комитета и репертуара петербургских театров обидела одного из читателей:

Некто г<осподин> Театрин вступился за честь своих фантастических сотоварищей... и воскликнул:

— Не донкихотствуйте г<осподин> дон-Кихот! (V, С. 214).

Автор «Времени» обыгрывает созданную им самим

коллизию. Фантастический комитет и на самом деле не является фантастическим:

Так как г<осподин> Театрин, мы уверены, сам лицо вовсе не фантастическое, (г<осподин> Краевский ничего фантастического, т<о> е<сть> несущественного и не допустил бы в свою газету), лицо не только не фантастическое, но лишенное даже всякой фантазии, — то очень может быть, что и комитет, подвергающий разбору драматические сочинения — также не фантастический (V, С. 214).

И то сказать: будь комитет действительно фантастический, какое бы дело вступаться за него реальному г<осподину> Театрину! (V, С. 214)

...он статью его приписывает оскорбленному самолюбию... Дескать подал он в какой-то фантастический комитет какую-то драму «Русские в 1862 году или народная подоплека», ну и члены этого комитета, читавшие эту пьесу, ее не одобрили, так как они что-нибудь да смыслят в драматическом искусстве» (V, С. 214).

А дон-Кихот вероятно драмы этой и не писал, а просто выдумал ее, чтоб иметь случай проскользнуть в фантастический комитет; это с его стороны была военная хитрость, которая иногда допускалась рыцарями (V, С. 214).

Слыхали мы, будто фантастический комитет по временам сваливает кой-что на цензуру <...> (V, С. 216).

А от фантастического комитета многое зависит (V, С. 216).

⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 18 т. Т. V. С. 214. Выделения в цитатах мои. Далее тексты Достоевского цитируются в тексте статьи с указанием тома и страницы.

Слава богу, что певцы выбираются не фантастическим комитетом, — вот была бы у нас опера! (V, С. 217).

Пусть члены фантастического комитета заседают яко боги на Парнасе, и венчают своих верных и благодарных поклонников, но пусть они помнят, что и гласность, настоящая, святая, неумолимая гласность не за горами (V, С. 217).

В русской литературе был только один автор, который столь виртуозно владел эпитетом *фантастический*, — это Достоевский.

В фантастической дуэли псевдонимов подлинно имя литературного героя:

Очевидно, что дон-Кихот на все смотрит с своей точки зрения, во всем видит нечто волшебное и чародейственное, — и это совершенно в его характере. Мало того, сей странствующий рыцарь вполне убежден, что все неправды, все злоупотребления совершают не люди, а духи; что даже взятки берут не люди, — а все какие-то волшебники или волшебницы. О высокое, благородное безумие! Из какой глубокой веры в честность человечества ты проистекаешь! (V, С. 214)

Ироничная трактовка образа соответствует концепции характера Дон-Кихота, неоднократно описанного Достоевским. Автор фельетонной заметки отдал должное словотворчеству господина Театрина, «лишенного даже всякой фантазии»:

Не донкихотствуйте г. дон-Кихот! (V, С. 214)

Стало быть дон-Кихот стал донкихотствовать против комитета не ради оскорбленного самолюбия, а просто потому, что вознегодовал, и так как он петербургский, а не ламанчский дон-Кихот, то и замаскировал свое негодование.

Видя все это, г<осподин> Театрин советует дон-Кихоту не

донкихотничать, и уверяет нас, читателей, что роль дон-Кихота самая жалкая и постыдная (V, С. 214—215).

Достоевский возражает:

Ну нет, г<осподин> Театрин, не совсем так!

Быть может у нас оттого так много всяких неправд и злоупотреблений, так много невежд, взяточников и казнокрадов, что мало, увы! очень мало святая Русь производит на свет дон-Кихотов. Ведь дон-Кихот (Сервантеса, прибавим), — это идеал честности, неподкупности и неустрашимости.

Ламанчский дон-Кихот отпер клетку со львом, и вызывал сего царя зверей на бой. Петербургский дон-Кихот льва не вызовет, а много-много что отворит двери в заседание какого-нибудь комитета и поглядит, что там делают чародеи или господа Театрины.

389

Лев, когда-то вызванный ламанчским дон-Кихотом, только зевнул и повернулся к нему хвостом, не чувствуя за собой никакой вины; и вы, г<осподин> Театрин, сделали бы гораздо лучше, если б на вызов петербургского дон-Кихота также бы зевнули, но вы этого не могли сделать: правда, хоть и замаскированная, кольнула вас, вы испугались и вскрикнули:

«*Не донкихотствуйте г<осподин> дон-Кихот!*»

Перейдем теперь от фантазий к действительности (V, С. 215).

Достоевский не объявляет ламанчского или петербургского Дон-Кихота фантастическими персонажами. Они вдохновлены идеалом, он *по-донкихотски* защищает высшие ценности поэзии, Островского, Гоголя, даровитых писателей, оперных певцов Лаблаш и Марио, оперу — искусство и культуру.

Эпитет *фантастический* — слово-хамелеон в языке Достоевского: не определяя сущности, слово скрывает его заветные идеи, пафос и проповедь, таит пророческие озарения автора и в то же время привлекает многозначностью, открывает каждому личное, свое. Оно рождает тайну и соблазн эту тайну понять.

Одно из подобных загадочных высказываний:

В России истина почти всегда имеет характер вполне фантастический (XI, С. 110).

Это утверждение в трактате «Нечто о вранье» — вывод из двух противоположных силлогизмов. Тезис:

...мы, русские, прежде всего боимся истины, т<о> е<сть> и не боимся если хотите, а постоянно считаем истину чем-то слишком уж для нас скучным и прозаичным, недостаточно поэтичным, слишком обыкновенным, и тем самым, избегая ее постоянно, сделали ее наконец одною из самых необыкновенных и редких вещей в нашем русском мире (XI, С. 109).

Антитезис:

Таким образом у нас совершенно утратилась аксиома: что истина — поэтичнее всего что есть в свете, особенно в самом чистом своем состоянии; мало того, даже фантастичнее всего что мог бы нагать и напредставить себе повадливый ум человеческий (XI, С. 109—110).

Парадокс Достоевского открывает духовное неблагополучие русского общества, в котором ложь понятнее истины, а истина фантастична. Эпитет *фантастический* соединяет и объединяет в одном напряжении мысли антонимы: истину и ложь, поэзию и прозу, реальность и фантазию; фантастическая истина

реальнее пошлой действительности,

390

правда побеждает ложь. В подтексте мерцает несказанное, но памятное читателю — циничный вопрос Понтия Палата: «Что есть истина?» Ответ — в молчании Христа и в чуде Его явления.

В подготовительных материалах к роману «Бесы» есть корпус записей, который Достоевский выделил тематически и назвал их «Фантастическими страницами»⁶. Их исключительное значение было понятно Анне Григорьевне Достоевской: именно эти записи она выбрала для публикации в восьмом томе юбилейного полного собрания сочинений (1906).

«Фантастические страницы» выражают сокровенное Достоевского. В них сосредоточены все основные темы, которые составляют сущность творчества Достоевского: его герои ведут беседы о смысле жизни и истории, о прошлом и будущем, о Боге и Христе, о вере и неверии, об Истине и России, спорят о словах и толкуют Евангелие. Многих слов, фраз, эпизодов нет в романе, они так и остались в записных тетрадях. Достоевский признавал их интимность. Это то, что не давал обсуждать в «Русском Вестнике» Катков, что автор не рискнул обсудить в «Бесах».

В этих сценах герои часто не спорят, а обсуждают проблемы, убеждают друг друга, развивают чужие мысли как свои. Убеждая других, они убеждают самих себя. Это своеобразные диалоги Достоевского, в которых еще не уяснены окончательно характеры героев и не определены их роли, но актуальные вечные вопросы: что делать? возможно ли верить? в чем счастье?

В диалоге один герой говорит другому:

Таких разговоров как у нас в России бездна (С. 33).

«Фантастические страницы» воплощают особую стихию романной жизни героев.

Вот одна из сцен:

Ш<атов:> Что же делать?

Кн<язь:> Каяться, себя созидать, Царство Христово созидать. <...>

Ш<атов:> — Надо в монахи коли так?

Кн<язь:> — Зачем? Провозглашайте Христа в русской Земле и провозглашайте собою. Нужны великие подвиги. Надо

⁶ Далее текст «Фантастических страниц» цитируется по рукописи: РГБ, ф. 93.1.1.4, с. 27—40, 124—125, 127—129.

391

сделать великий подвиг? Нужно быть великим чтобы пойти против здравого смысла. <...>

Князь. Нужен подвиг. Пусть же русская сила и покажет что может сделать его. Подвигом мир победите.

Шатов странно задумался: Знаете все это одни фантазии, сказал он, тоже книги или, — или религиозное помешательство. Привлеките-ка всех к подвигу?

Кн<язь:> Зачем всех. Поверите ли как может быть силен один человек. Явись один и все пойдут — Нужно самообвинение и подвиги, идея эта нужна, иначе не найдем православия и ничего не будет (С. 27).

В устах Ставрогина звучит проповедь:

Сила в нравственной идее.

Нравственная идея в Христе.

На Западе Христос исказился и истощился. Царство

антихриста. У нас православие.

Значит мы носители ясного понимания Христа и новой идеи для воскресения мира.

Веруете ли в вечное пребывание Христа в мире?

А чтоб заявить православие нужен подвиг (С. 27).

Впрочем, Ставрогин не пророк. В набросках он еще готовится к подвигу, говорит то, что в романе будет проповедовать Шатов, который в набросках высказывает сомнения — в романе у него нет подобной шатости в мнениях.

«Фантастические страницы» передают типичное состояние души героев Достоевского. В них смешаны безверие и потребность веры.

Эта коллизия художественно ярко представлена в «Братьях Карамазовых». В главе «За коньячком» Федор Павлович пристрастно спрашивает собеседников, есть ли Бог. Иван твердо отвечает: нет. Алеша не менее твердо говорит: Бог есть. Федор Павлович задумался и решил, что «вероятнее» прав Иван, который, в свою очередь, в трактуре «Столичный город» винится Алеше:

Я вчера за обедом у старика тебя этим нарочно дразнил и видел, как у тебя разгорелись глазки (XIII, С. 194).

В дебатах «за коньячком» Алексей непреклонен, но и он в духовном смятении признается Лизе накануне этой встречи с братом Иваном:

«А я в Бога-то вот может-быть и не верую». — «Вы не веруете, что с вами?» — тихо и осторожно проговорила Lise. Но Алеша не ответил на это. Было тут, в этих слишком внезапных словах его нечто слишком таинственное и слишком субъективное, может-быть и ему самому неясное, но уже

несомненно его мучившее (XIII, С. 182).

392

Те же сомнения составляют стихию «Фантастических страниц»:

Кн<язь:> Уверуйте.

Ш<атов:> В православие и Россию?

Кн<язь:> Да.

Ш<атов:> Да конечно тогда спасение. Я — я кажется верую.

Что же вы молчите?

Кн<язь:> Значит не веруете.

Ш<атов:> А вы?

Кн<язь:> Опять-таки зачем вам я?

Ш<атов:> Неужто мы понимаем друг друга с двух слов?
(С. 33).

Сознавая потребность веры, герои бесстрашно испытуют веру. Шатов восторженно обобщает их речи:

И так всё в православии!

— Нет сущность вопроса вовсе не в том, а в том можно ли верить православию?

Кн<язь:> Весь вопрос стало быть в том можно ли веровать?

Ш<атов> — Разве вы не веруете?

— Видите: или всё в вере, или ничего! Мы сознаем важность спасения мира православием. И так весь вопрос: Можно ли веровать в православие, откидывая всякую пищеварительную философию. Если можно, то всё спасено, если нет то лучше жечь.

— Неужели вы не веруете?

— Зачем же вам я — Я вас спрашиваю: хотел и пришел только вас спросить: веруете ли вы, мне любопытно было.

— Я... Кажется верую.

— Значит не веруете (С. 33).

Впрочем, и это не последнее слово.

Возможно ли верить? А если нельзя то чего же кричать о силе православием русского народа. Это стало быть только вопрос времени. Там раньше началось разложение, атеизм, у нас позже; но начнется непременно с водворением атеизма. А если это даже неминуемо, то надо даже желать чтоб чем скорей тем лучше (С. 28).

В «Фантастических страницах» герои высказываются о нравственности и христианстве, о религии и науке — темы неизбывны в своей полноте.

Свои мнения они нередко формулируют в парадоксах.

Князь приходит к Ш<атову>. (В первый раз после пощечины). Я не про то. Я заметил одну вашу мысль: Атеист не может любить Россию и русский быт — и удивился ей.

393

Ш<атов> (усмехнул<ся>): Мне нечего вам разъяснять почему Атеист.

Кн<язь>: Не надо. Я сам знаю, что атеист не может любить Россию. Это моя мысль. Я еще нигде ее не встречал. И вдруг вы то же самое говорите. Я бы желал знать: как вы более смотрите? Православ<ие>, лютеранст<во> (С. 127).

Или:

Нравственные основания даются откровением. Уничтожьте в вере одно что-нибудь — и нравственное основание христианства рухнет все, ибо все связано (С. 28).

В «Фантастических страницах» Князь излагает оригинальную экономическую теорию:

Вон у них хлопочут там о Кредите, о восстановлении Кредитного рубля. Страшный вопрос. А ведь не поймут, что

тут одно только и есть лекарство: в твердой идее национального начала. Ведь они засмеются, если им это объявить (С. 28).

Как будто сегодня сказано:

Большинство наших Капиталов нажито фокусами. Сплошь да рядом, и не диво слышать, что наследники все в дворяне вышли, дело бросили и в гусары пошли или все промотали. Значит, все это фокус, до того, что тут нет и понятия, как капитал образуется. Да и не может там быть больших капиталов где нет малых, огромного большинства малых, законной естественной пропорции с большими. Большой Капитал существует только потому что есть малый. Весь Кредит и все упавшие рубли зависят только от одной устойчивости малых Капиталов. Без того ничего не поправится и ничего не восстановится никакими фокусами (С. 127—128).

Схожие идеи Достоевский выскажет в январском выпуске «Дневника писателя» за 1881 год, в котором он писал о финансах: о падении рубля, дефиците, долгах по заграничным займам, о кризисе земледелия и торговли, «никто ничего не покупает», «фабрики сокращают производство до минимума», «всё-то на казну и на общественное достояние зубы точат» (XII, С. 359, 360). Совет Достоевского парадоксален. Его вряд ли дал бы эксперт по макроэкономике: «оздоровите корни» — и все устроится; восстановите дух — поднимется и рубль, исчезнет бюджетный дефицит, увеличатся торговля и производство.

В постановке критических проблем герои Достоевского отважно обсуждают Священное Писание. Князь формулирует свое понимание христианства:

Они все на Христа (Ренан, Ге), считают его за

обыкновенного человека и критикуют его учение как несостоятельное

394

для нашего времени. А там и учения-то нет, там только случайные слова, а главное, образ Христа, из которого исходит всякое учение. С другой стороны, посмотрите тщеславие и нравственное состояние этих критиков. Ну, могут ли они критиковать Христа? Из Христа выходит та мысль, что главное приобретение и цель человечества есть результат добытой нравственности. Вообразите, что все Христы, — ну возможны ли были бы теперешние шатания, недоумения, пауперизм? Кто не понимает этого, тот ничего не понимает в Христе и не христианин (С. 124).

Истине не страшны испытания, противоречия и пробы мысли. Из неверия и сомнений героев рождается вера или потребность веры.

Свои сомнения герой и автор нередко выражают в парадоксе. Парадокс не есть истина, но способ проявления истины, ее риторическое усиление.

В своей фантазии по поводу бала «Золотой век в кармане» Достоевский убеждает читателя:

«...вы прекрасны!» — и завершает: «Вы смеетесь, вам невероятно? Рад, что вас рассмешил и однако же все, что я сейчас навосклицал, не парадокс, а совершенная правда... А беда ваша вся в том, что вам это невероятно» (XI, С. 285).

В оценке парадокса всегда необходимо учитывать его жанровую природу. Если мы придаем парадоксу прямое значение, возникает неразрешимое противоречие, абсурд. В парадоксе важен смысл, который стоит за произнесенными словами.

Достоевский не скрывал риторическую природу подобных приемов, ср.:

Я нарочно поставил мою мысль ребром и желания мои довел до идеала почти невозможного. Я думал, что именно начав с абсурда и стану понятнее (XII, С. 361).

Писатель признавал, что есть неписаное правило литературы:

Поставьте какой угодно парадокс, но не доводите его до конца, и у вас выйдет и остроумно, и тонко, и *comme il faut*, доведите же иное рискованное слово до конца, скажите, например, вдруг: «вот это-то и есть Мессия», прямо и не намеком, и вам никто не поверит именно за вашу наивность, именно за то, что довели до конца, сказали самое последнее ваше слово. А впрочем, с другой стороны, если б многие из известнейших остроумцев, Вольтер например, вместо насмешек, намеков, полуслов и недомолвок, вдруг решились бы высказать всё, чему они верят, показали бы всю свою подкладку

395

разом, сущность свою, — то, поверьте, и десятой доли прежнего эффекта не стяжали бы. Мало того: над ними бы только посмеялись. Да человек и вообще как-то не любит ни в чем последнего слова, «изреченной» мысли, говорит, что:

Мысль изреченная есть ложь (XVI, 1, С. 308—309).

Вместо пафоса проповеди Достоевский чаще предлагал парадокс, который вызывал непонимание и почти безоговорочную критику современников и потомков.

Отрицание и утверждение в парадоксе имеют разное происхождение. Один из источников (нигилизм) Достоевский раскрыл по поводу Вольтера. О другом

умолчал, но он очевиден для всех, кто воспринял христианский пафос творчества русского гения, — это Евангелие, которое светом Истины озаряет правду его художественного реализма.

Объясняя очевидное, Достоевский нередко начинал с «абсурда», чтобы стать понятнее и убедительнее для читателя.

Его «коронный» жанр — «парадокс на парадоксе». Так сам Достоевский определил стиль своих рассуждений о России в июньском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год. Об этом он писал критику и писателю Всеволоду Соловьеву, который восторженно откликнулся на «парадоксы» Достоевского о Жорж Занд, о России и Европе, «восточном вопросе», о «милой девочке» и об отношении автора к ней. В июньском выпуске «Дневника писателя» Достоевский впервые рискнул высказать прямо и откровенно заветные убеждения:

Я никогда еще не позволял себе в моих писаниях довести некоторые мои убеждения до конца, сказать самое *последнее слово* (XVI, 1, С. 308).

Достоевский решился на это, во многом оправдывая ожидания читателей и вопреки собственным авторским пристрастиям.

О чем же писал Достоевский, выкладывая парадокс за парадоксом?

У нас — русских, две родины: наша Русь и Европа... (XI, С. 423)

Величайшее из величайших назначений, уже признанных Русскими в своем будущем, есть назначение общечеловеческое, есть общеслужение человечеству, — не России только, не

общеславянству только, но всечеловечеству (XI, С. 423).

Жорж Занд была может быть одною из самых полных исповедниц Христовых, сама не зная о том (XI, С. 429).

396

...самые ярые-то западники наши, именно борцы-то за реформу и становились в то же время отрицателями Европы, становились в ряды крайней левой... (XI, С. 432)

Недаром сказал Аполлон Григорьев, тоже говоривший иногда довольно чуткие вещи, что если б Белинский прожил более, то наверно бы примкнул к славянофилам (XI, С. 434).

Сущность России составляют «идеи всемирного человеческого обновления явиться: в виде Божеской правды, в виде Христовой истины, которая когда-нибудь да осуществится же на земле, и которая всецело сохраняется в православии» (XI, С. 432).

Допетровская Россия... про себя же понимала, что несет внутри себя драгоценность, которой нет нигде больше — Православие, что она — хранительница Христовой истины, но уже истинной истины, настоящего Христова образа, затемнившегося во всех других верах и во всех других народах (XI, С. 437).

...через реформу Петра «произошло расширение *прежней* же нашей идеи, русской московской идеи...» (XI, С. 438).

«Русское предназначение *в его идеале*» — «стать всем слугами, для всеобщего примирения» (XI, С. 438).

Россия должна стать во главе объединенного православия: Константинополь должен быть наш (XI, С. 439).

Большинство цитирующих понимают эту мысль как

призыв к геополитической агрессии. Парадокс заключается в том, что ради осуществления этой идеи не нужно вести войн. Это не политическое единение, не политический захват и не насилие, а «нечто особое и неслыханное»:

...это будет настоящее воздвижение Христовой истины, сохраняющейся на Востоке, настоящее новое воздвижение Креста Христова и окончательное слово Православия, во главе которого давно уже стоит Россия (XI, С. 441).

...можно серьезно верить в братство людей, во всепримирение народов, в союз, основанный на началах всеслужения человечеству и наконец на самое обновление людей на истинных началах Христовых. И если верить в это «новое слово», которое может сказать во главе объединенного православия миру Россия — есть «утопия», достойная лишь насмешки, то пусть и меня причислят к этим утопистам, а смешное я оставляю при себе (XI, С. 441).

Это те же *фантастические страницы*, в которых проявлена сущность «реализма в высшем смысле», но в авторской речи. В них нет фантастики, но есть коллизия:

397

для автора фантазия реальна, утопия достижима, жизнен идеал; на взгляд среды, фантастична проповедь, стремление к идеалу, заповеди Христа.

Достоевский был одним из тех, кто своим творчеством выразил идею христианского реализма, назвав его «реализмом в высшем смысле». Его «реализм в высшем смысле» — это реализм, в котором *жив Бог, зримо присутствие Христа, явлено откровение Слова*. Он дал новое понимание искусства как служения Христу, смысл которого он видел в ее апостольском призвании (проповеди

Святаго Духа).

Фантастический и *христианский* — два эпитета, две стороны одной медали, два образа «реализма в высшем смысле» Достоевского: лицевая сторона мерцает загадочным словом *фантастический*, на обороте откровенное выражение сущности — *христианский*.